

ЗАГОВОРНЫЕ ТЕКСТЫ
КАК ПАМЯТНИКИ «ВЕЩНОГО, ЧАРОДЕЙНОГО СЛОВА»

Заговоры часто определяют как «обломки древних языческих молитв и заклинаний» [1, с.247]. Они не смогли дойти до нашего времени во всей своей «свежести», «полноте и неизменности». Как и другие жанры фольклора, заговоры подверглись значительным изменениям: с одной стороны, «вследствие сокрушительного влияния времени, с другой – вследствие того разрыва, какой произвело в последовательном развитии народных убеждений принятие христианства» [1, с.248].

С точки зрения современности, в них много загадочного, неясного, необъяснимого. При более тщательном изучении оказывается, что «загадочность», «странность» заговоров – наследие далёкого прошлого, в котором тесно переплелись и поэтические воззрения славян в глубочайшей древности, и христианские (канонические) и апокрифические молитвы, повлиявшие на содержание, структуру и язык «вещного» слова.

Вековая прочность заговорного слова обусловлена значением заговора в народной жизни. Если другие жанры фольклора (сказки, загадки, песни...) были средством развлечения, то заговоры использовались не для забавы. Это памятники «вещного, чародейного» слова, вмещающего в себя огромную силу, которую не следует пытаться без крайней нужды – иначе наживешь (накликаешь) беду. В заговоре как сакральном тексте проявляется магическая функция речи (наряду информативной и экспрессивно-эмотивной функциями), которая выступает как частный случай призывно-побудительной (регулятивной) функции, с той существенной разницей, что в заговорном тексте адресат речи – это не собеседник, а какая-то «высшая» сила.

В сравнении с другими жанрами фольклора, заговоры составляют предмет тайного ведения знахарей, колдунов, лекарок, ворожеев... К ним обращается народ в тех случаях, когда нужно прибегнуть к помощи старинных заклятий.

Могучая сила заговоров заключается в «вещном» слове. В.Н.Топоров, изучая культуры Древней Индии, писал, что такая «культуры ставит в своём начале Слово как высшую реальность...» [2, с.6]. Слово – это главный «инструмент» магии. Чтобы не забыть «вещное» слово, сохранить его в память народной, заговоры стали записывать, часто в «тетрадки», которые составляют истинный клад для науки и исследований.

Тетрадь заговоров, найденная во время фольклорно-диалектологической экспедиции преподавателей и студентов АмГУ в сёла Амурской области (лето 2003), легла в основу настоящей статьи [3].

Объектом исследования являются тексты заговоров, несущие когнитивную, информационную, психологическую, социальную нагрузку, структурно и содержательно оформленные. Изучение заговорных текстов как «малых» фольклорных жанров предлагает не только выяснение их связи с мифопоэтическими воззрениями древних славян, но и с религиозными представлениями, отразившимися в содержании, структуре и форме выражения.

«Слово есть главное и самое естественное орудия предания. К нему, как средоточию, сходятся все тончайшие нити народной старины, все великое и святое, всё, чем крепится нравственная жизнь народы», – отмечал Ф.И.Буслаев [4, с.12].

«В ряду фольклорно-мифологических жанров заговор представляет собой наиболее прямое и концентрированное воплощение веры в словесную магию» [5, с.94]. Если в других жанрах фольклора (сказки, песни, былины...) важна художественно-эстетическая ценность, то в «живом» заговорном тексте важно его утилитарно-магическое назначение. Заговор жив до тех пор, пока в него верят. Затем он превращается в памятник культуры, фольклора, языка, «чародейного слова».

В каждом заговоре содержится глубокий коммуникативный смысл: творящий заговор (знахарь) ощущает себя причастным к сверхъестественному миру, неземным силам, он должен с помощью «вещего» слова (и «дела») внушить это другим и каким-то чудесным способом помочь человеку избавиться от болезни, испуга и сглаза, несчастного случая, стихийного бедствия; защитить урожай, плодovitость и здоровье скота; способствовать успешной охоте, рыбной ловле, пчеловодству и т.п.; помочь в любви, семье, браке (ср. любовные «присушки» и «отсушки») и т.д. Не случайно его «творили» особые люди, умеющие врачевать и облегчать душевные и телесные страдания, полагая, что главная сила такого врачевания заключается в «мудреных» нашептываниях, а всевозможные снадобья, по большей части приготовленные из разных трав, служат лишь успокоительным и пособляющим средством. В народных названиях знахарей (*знахарь, знахарка; ведун, ведунья; шептун, шептуха; ворожея, ворожбит; лекарь, лекарка* и др.; др. рус. *балий, баля, бальник*) в ядре лексического значения есть сема «знать», «знание»: «знахарь, знахарка – «человек, обладающий сверхъестественным магическим *знанием* и использующий его для лечения людей и скота охраны от колдовства, отвращения градовых туч, прорицания судьбы и под.» [6, с.689]; *ведун, ведунья* – образовано от глагола *ведать* – «*знать, иметь о чем-либо сведение*» [6, с.330]; *шептун, шептуха* – «*знахарь, ворожбит, кто колдует заговорами*» [7, с.629] и т.д.

Важно заметить, что способность заговаривать (наговаривать, шептать...) не изначально даётся человеку, а возникает в определенных условиях: после предварительной магии, получения тайного знания, по достижении определенного возраста, после каких-либо важных событий. С.М.Толстая отмечает, что «способность к заговариванию и тексты заговоров передавались от старших к младшим с соблюдением определенных условий и специального ритуала. Считалось, что владеющий «знанием» (текстов и ритуала) не может умереть, не передав его другому...» [8, с.239].

Знахари обычно воспринимаются как посредники между людьми и сверхъестественными силами, от которых зависит, будет ли исход лечения благополучным. Наблюдения над заговорными текстами показывают, что тот, кто творит заговор (знахарь...), не ортодоксален в своей вере: колдуя, христианин возвращается в язычество или, по крайней мере, в двоеверие. Наглядно это проявляется уже в начальной, вступительной части, когда он обращается к разным, в том числе «несовместимым», высшим силам.

Часто это апелляция к христианским заступникам: к Господу Богу Всемогущему, Царю Небесному, Иисусу Христу, Пресвятой Пречистой Деве Марии (Богородице), Пресвятой Троице, Святой Варваре Великомученице, Святой Тихвинской Божьей матери, Святой Евдокии, Святой Екатерине, Святым мученикам и чудотворцам великим Николаю, Георгию Победоносцу, Власию, Василию, Лавру, Харлампию; ангелам.

Святые – персонажи христианской литературы и культа. На первое главное место поставлен Бог Отец (творец мира), затем Бог Сын – Иисус Христос, Святой Дух, а после них Пречистая Матерь Божия (Богородица, Богоматерь, Матерь Божия, Пресвятая Дева Мария...). Часты в заговорах обращения именно к ней. Эпитеты «Пресвятая», «Пречистая» подчёркивают её чистоту и святость в глазах всех верующих. Она особенно почиталась у славян. Молитвы к ней возносились также часто, как и самому Господу Богу. Пречистая Матерь Божия считается покровительницей всех женщин, особенно рожениц (заметим, что имя Богородица этимологически связано со словом роды), детей, девушек. Её культ в народной традиции сближался и сливался с культом Матери-земли. В исследуемых материалах заговоры от всех болезней, сглаза, порчи, испуга, на облегчение родов, душевное спокойствие, изобилие, обереги животных связаны с именем Богородицы. Кроме упоминания имени, в заговорных текстах называются прославленные иконы Богоматери: «*Святая Тихвинская Божья Мать, оглянись на рабу Божью (имя)...*» (заговор от глазных болезней) и др.

Часты в заговорных текстах и обращения (вопреки запретам официального христианства) к «малым высшим» силам, вера в которые сохранилась с языческой поры: к матушке-водице, святой воде (*матушка-водица, Господня помощница...; святая вода...*), месяцу (*месяц ты месяц, серебряные рожки, золотые твои ножки*), заре-зарнице (*заря-зарница, красная девица...*), земле (*мать сыра земля..., сырая земля...*), звёздам (*звёзды ясные...*), солнцу (*солнышко привольное ..., солнышко ты...*), ветру (*буйные ветры...*), а также непосредственно к болезням (*гори ж ты, рожь; выйди, притка, выйди, хитка...*) и предметам, помогающим творить заговор, – апотропеическим средствам (*ты, соль, услади..., ты, зола, огорчи, ...ты, уголь, очерни...*) и т.п.

Обращения к христианским заступникам, безусловно, заимствованы из молитв (канонических и апокрифических*), оказавших значительное влияние на заговоры. «Апокрифические молитвы фактически являются заговорами с типичными для апокрифов молитвами и персонажами (Адам и Ева, Авраам, Христос, апостолы, архангелы, святые), изгоняющими нечистую силу (беса, двенадцать трясавиц, ведьм и др.), направленными против лихорадки, болезненного жара, прострела (ревматизма), кровотечения, зубной боли, грома, вредоносного дождя и бури, укуса змеи, бешеной собаки или волка, несправедного суда, дурного глаза, дьявола, нежити и т.п. Некоторые из них содержались в требниках и молитвенниках XV-XVII вв.» [8, с.113].

Общеизвестно влияние на тексты заговоров таких апокрифов, как «Хождение Богородицы по мукам», «Сон Богородицы», обиходы и учения апостолов (деяния апостолов Петра и Павла, Андрея, Матфея, Фомы и др.), эсхатологические сказания («Вопросы Иоанна Богослова») и апокрифические мучения (Фёдора Тирона, Георгия, Никиты, Игнатия, Ирины и пр.).

Большое количество канонических христианских утренних и вечерних молитв находилось в составе «Псалтирей» и «Требнике», потому как они чаще всего использовались (и используются) в богослужении. Так, «Псалтирь»

* Апокрифы (от греч. *apokrifos* – «тайный», «скрытый») – «отреченные», или запрещенные христианские книги, не вошедшие в число книг Ветхого или Нового Завета.

прочитывается полностью каждую неделю, а «Требник» используется в таких обрядах так называемого частного богослужения, как крещение, венчание, отпевание, исповедь, елеосвящение, постриг, различных молебнах (освящение дома, нового строения и т.д.). Молитвы, как правило, заучивались «слово в слово». Обращение к Господу Богу в молитвах представляется магическим актом. Обращённая к Богу просьба позволить, помочь, благословить широко используется везде. Ср. так называемую «начинательную» молитву в православном богослужении, читаемую перед началом всякого «доброго дела»: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь».

Произнесение ритуального имени в молитве как бы «вызывает» присутствие того, кто им назван. Ошибиться в словесном ритуале – значит обидеть, прогневить Бога. Ф. де Соссюр, изучая анаграммы в молитвах и гимнах на санскрите, древнегреческом и латинском языках, высказал гипотезу об их мифопоэтической мотивированности: в основе текстов молитв и гимнов «могло быть религиозное представление, согласно которому обращения к Богу в молитвах и гимнах не достигают своей цели, если в их текст не включены слоги имени Бога» [9, с.642]. Магическую функцию обращений к Богу подтверждают Т.Я.Елизаренкова и В.Н.Топоров на материале ведийских гимнов [10].

Насыщенность исследуемых заговорных текстов обращениями к высшим силам, христианским заступникам свидетельствует не только об их близости к молитвам, но и о вере в магические свойства имени, которой пронизаны все фольклорные тексты. Даже в поздних фольклорных текстах (таких, как былички, бывальщины, легенды, устные рассказы и т.п.) смысл бесчисленных историй сводится к тому, чтобы знать имя, употребить его. Имя – главный «инструмент» словесной магии. (Попутно заметим, что в др. рус. языке синонимом к слову знахарь выступало существительное балий в значении «врач, лекарь», которые соотносимы с глаголом баяти – «говорить, рассказывать; заговаривать, лечить, околдовывать») [11, с.46].

Мифологическое сознание склонно приписывать имени те или иные чудесные, сверхъестественные возможности, чудесное происхождение, святость (или, напротив, греховность), внятность потусторонним силам. В мифологическом сознании также происходит фетишизация имени Божества и/или особо важных ритуальных словесных формул: слову поклоняются, как иконе, мощам или другим религиозным святыням. Успех молитвы ставится в прямую зависимость от аутентичности сакрального текста, его сохранности. Искажение текста молитвы кощунственно и опасно для верующего. Сакральный текст молитвы должен произноситься точно. Вот почему на практике молитвы должны были заучиваться точно, повторим: «слово в слово». У верующего сохраняется вера в «волшебные», «магические» святые слова. Таким образом, магическое и эстетическое восприятие слова в молитве как бы сливаются. Эстетическое восприятие языка (слова) в религиозном и мифологическом сознании связано не только с тем, о чём говорится, но и с тем, как говорится. Молитвенные тексты построены так, чтобы завораживать человека. (Ср. используемый в психологии термин фасцинация в значении «специально организованное воздействие на человека, обладающее повышенной силой убеждения и/или внушения»). Все компоненты молитвенного текста характеризуются искусным ритмическим построением, экспрессией, переносно-образным употреблением слова. Они завораживают ритмом, звуковыми и смысловыми переключками, странным и одновременно точным подбором слов, метафоричностью, способной ошеломить и обнаружить таинственные связи явлений и бездонную глубину смыслов.

Заговорный текст, наряду с молитвой, также относится к проявлениям магической функции речи. И в заговорах, и в молитвах «славословия», адресованные высшим силам, обязательно содержат возвеличивающие характеристики и специальные формы восхваления. По мере забывания магических мотивов и сакральных смыслов (молитв, заговоров) ритуальные действия и словесные формы превращаются в обычай. Порой некоторые словесные выражения искажаются и утрачиваются, а сохранившиеся

становятся традиционными. Таким образом, языковые знаки, соответствующие ритуалам, христианским представлениям, становятся устойчивыми и сохраняются длительное время.

В исследуемых заговорах использование обращений к высшим силам, по нашему мнению, свидетельствует не только о близости их к молитвам, но и является элементом нормализации текстов заговоров с помощью церковно-славянского языка, при этом жанр и форма текстов в целом остаются фольклорными.

В зависимости от сферы применения и объекта воздействия в анализируемом материале выделяются:

1) лечебные заговоры общего и частного характера (от сглаза, порчи, испуга, ангины, глазных болезней, зубной боли, головной боли, боли в спине, суставах, от кровотечения, от грудницы, ушиба, расширения вен, рожи, грыжи, чирья, геморроя, волоса): *«Матушка-водица, Господня помощница, смой с рабы Божьей (имя) горе, смой с рабы Божьей (имя) хвори, смой с рабы Божьей (имя) ворожье наговорье. Дай ей, матушка-водица, доброго здоровья не на год грядущий, а на век векущий. Аминь. Аминь. Аминь».*

В стакан налить воды и бросить соли. Болящего напоить, умыть, остатки солёной воды вылить в пятку двери и закрыть дверь. (заговор от сглаза);

2) лечебные заговоры для детей и рожениц (на облегчение родов, от порчи и уроков младенцев, испуга, бессонницы, крика, грыжи, золотухи): *«Матушка, заря вечерняя, Ирина полуночная, Катерина утренняя, Мария полуденная, Мария - матушка. Зори занимаются, а у рабы Божьей (имя) крик унимается. А ты, петушок, возьми крик, а дай рабе Божьей (имя) покой».*

Читать три раза и на пол плюнуть через левое плечо.

3) заговоры от пьянства, отвращения к вину, змеиного укуса, собаки: Наговаривать на воду. *«Ты, небо, слышишь, ты видишь, что я хочу делать над телом раба Божьего (имя). Звезды вы ясные, сойдите в чашу брачную. А в моей чаше вода из горного студенца. Месяц ты красный, зайди в мою клеть, а в моей клетке ни дна ни покрышки. Солнышко ты привольное, взойди на мой двор,*

а на моем дворе ни людей, ни зверей. Звёзды, уймите раба Божия (имя) от вина. Месяц, отврати раба Божия (имя) от вина. Солнышко, умири раба Божия (имя). Слово мое крепко» (заговор от пьянства);

Читать на воду три раза, но перед этим три раза прочитать «Отче наш».

4) домоводческие и хозяйственные заговоры (обеспечивающие благополучие дома, здоровье скота, урожай, защиту его от вредителей): *«Мир, спасение дому сему и живущим в нём. Посели, Господи, в доме сем дух благочестия, дух кротости и смирения, изгони из него всякую силу дьявольскую и врага видимого и невидимого.*

Пречистый животворящий крест Господний, силою на тебе распятого Господа нашего Иисуса Христа укрепи меня на вся враги видимые и невидимые, плотского и душевного соблюдения и искушения. Аминь».

Наговоренной водой побрызгать все углы, а оставшуюся воду вылить под порог (заговор на благополучие дома).

Как следует из приведенных примеров, тексты заговоров неоднородны по содержанию и структуре. Есть пространные, сложно организованные тексты, в которых выделяется обращение (вступительная часть), повествовательная часть, которую называют «ядром» заговора (обычно она содержит заклинание, с помощью которого изгоняют болезни, напасти, скорби и пр., в ней актуализируется наиболее важная часть информации), и концовку – «закрепку», состоящую из магических формул: *«Слово моё крепко. Аминь. Аминь»*; *«Будьте мои слова лепки и крепки, крепче и лепче клею осетрового. Аминь»*; *«Тем словам замок – море, ключ - зубы»* и т.п.

Есть небольшие по объёму заговорные тексты. Напр., *«Ветла, ветла, возьми свою глоть; а если ты не возьмешь, мы тебя заглотим с корнями. Аминь. Аминь. Аминь»* (заговор от ангины); *«Божья роса, залепи собаке глаза»* (заговор от укуса собаки); *«Ози, озось, озна»* (заговор от змеиного укуса), представляющий собой пример глоссалалии.

Некоторые из заговоров представляют собой переложение упоминаемых выше апокрифических молитв: «Сон Богородицы», «Хождение Богородицы по

мукам», молитв преподобных отцов старцев оптинских и др., а многие содержат цитаты из канонических и апокрифических молитв. Ср., напр., фрагменты канонических молитв: *«Благодарим тя, Господи Боже наш, воздвигшаго ны от ложь наших, и вложившаго в уста наша слово хваления, еже поклоняться и призывать Имя твое святое...»* (из утренней молитвы). Или: *«Яко подобает ти всякая слава, честь и поклонение, Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне, присно и веки веков. Аминь»* (из утренней молитвы). Или фрагменты апокрифических молитв: *«Слава Отцу и Сыну и Святому Духу. Аминь»*; *«Отче наш, иже еси на небеси, да святится Имя Твое, да придет царствие твое...»* и т.д. Ср. приведённые отрывки молитв с фрагментами заговорных текстов: *«Господи, Иисусе Христе, Господи, благослови рабу Божью (имя)...»*; *«Слава Отцу и Сыну и Пресвятому духу и ныне и присно и во веки веков. Аминь»*; *«Господи, помоги, спаси и помилуй. Аминь. Аминь. Аминь»* и под. Даже внешнее сопоставление фрагментов молитв и заговоров, безусловно, свидетельствует о близости последних к молитвам.

Можно заключить, что исследуемые заговорные тексты имеют двойственное происхождение. С одной стороны, в них содержатся элементы средневековой апокрифической книжности, а с другой – элементы фольклора. Это органичный синтез разных по происхождению стихий.

Обращение как компонент заговорного текста занимает определенную синтаксическую позицию и имеет свои морфологические особенности. В большинстве случаев оно находится в первом предложении текста. Например: *«Царю небесный, ...Подателю, прииде и вселися в ны...»*; *«Господи Боже, благослови...»*; *«Матерь пресвятая, помоги...»*; *«Месяц, ты месяц...»*; *«Заря-зарница...»*; *«Святая вода, сырая земля...»* и т.п. Есть обращения, стоящие и внутри предложения: *«Возьми мою скорбь, месяц ты мой, сокрой от меня мою скорбь»* (заговор от зубной боли); *«Как собака плодится-щенится, и ты, Волос, так же плодись-щенись, назад не воротись...»* (заговор от волоса); *«Выйди, выйди, испуг, из буйной головы, из русых волос, из острого зуба, из красной крови, из жил»* (заговор от испуга) и т.д.

Имеются обращения, находящиеся в конце предложения: *«Гори же ты, рожка. Перестань ты, рожка»* (заговор от рожи); *«Открывайтесь ворота костяные»* (заговор на облегчение родов); *«Гой еси ты, заря утренняя, ты, заря вечерняя»* (заговор от порчи) и др. В исследуемом материале они немногочисленны.

Способы выражения обращения, используемые в заговорах, также разнообразны. Во-первых, для выражения обращения используется звательная форма имени: *царю небесный, утешителю, подателю, господи, господи Боже, отче наш, отче Боже мой, господи Иисусе Христе, всемогущий Отче*. Обращения к «высшим силам», к христианским заступникам в форме звательного падежа заимствованы из молитв. К ним обращались и в молитвах как к защитникам от бед, нечистой силы, напастей, страданий и т.д. Колдующий часто напрямую обращается к «высшей силе» и христианским заступникам, зовет их в сочувствующие свидетели, помощники или испрашивает их согласие на заговор: *«Подателю, прииде и вселися в ны и очисти ны от всякие скверны и спаси, Блаже, душа наша»* (заговор от сглаза); *«Господи Боже, благослови, Матерь Пресвятая, помоги...»* (от сглаза). Такие формулы-обращения придают текстам заговоров сакральный характер ритуала, отражающий особенности религиозного культа и молитв.

Как отмечают исследователи, особенностью заговора является соединение в нем вербального и акционального компонентов: «вещного» слова и «дела». Типичные действия, отмеченные в анализируемом материале, это обливание, кропление, умывание, натирание водой, наговаривание на воду, сплевывание (часто через левое плечо), намазывание маслом больного места безымянным пальцем, дутье на рану, облизывание, размахивание руками и т.п.

В большинстве случаев структура текста заговора содержит оба компонента. Типичны заговоры, в которых вербальный компонент передает сообщение в форме волеизъявления. Ср.: *приди и вселися в ны и очисти ны от всякия скверны и напасти; помоги, помоги, спаси, помилуй; смой хвори, смой ... наговорье; возьми свою глоть; выплыви, заноза, и не коли глаза; возьми мою*

скорбь...; *откачнись* от меня; *выйди*, притка, *выйди*, хитка, из костей, из мощей у станových жил...; ангелы, *возьмите* эту боль, *унесите* за горы, за доли, за лес густой; *закрутись*, *завертись*, в тёмный вихрь *превратись* и т. п. Творящий заговор напрямую обращается к «высшим» и «малым» силам и просит у них помощи, поэтому заговоры творятся как богоугодное дело, часто с «животворящим» крестом и молитвой. Обращения сопровождаются императивом (чаще формами повелительного наклонения 2-го лица). Но нередки случаи, когда модальность волеизъявления создается описательными формами повелительного наклонения в значении «пусть будет так, чтобы». Например: «*Молю тебя, Господи Иисусе Христе, дабы через эти святейшие слова, через заслуги твоих учеников и во имя твоего святейшего подвига исцелена была эта рана, это зло*»; «... *да будет воля твоя...*»; «...*да будут слова мои лепки и крепки...*» и т.п. Побуждение, выражаемое сочетанием «да + форма повелительного наклонения или форма простого будущего времени», характерная черта книжного церковно-славянского языка. Ср.: «*да будутъ чр҃сла ваша пр҃поясна*», «*да сбудетсѧ реченое пророком...*».

Довольно часто значение модального волеизъявления в заговорных текстах выражено формой инфинитива: «Тут тебе *не бывать*, по кости *не ходить*, костей *не ломить*, головы *не кружить* и раба Божьего (имя) *не уморить*»; «Прошу тебя по жилам *не ходить*, костей *не ломить*, сердца *не сушить*, колючия, болючия *уничтожить*»; «Там тебе *жить*, там тебе *гулять*, у младенца (имя) *век не бывать*».

Конструкции подобного рода приближаются к фразеологически устойчивым разговорным конструкциям типа: *Чтоб тебе провалиться! Чтоб вам подавиться! Чтоб мне белого света не видать!* и т.п. Они выражают негативное пожелание, заклятие и способствуют реализации «замысла» творящего заговор. Роль их в речевой коммуникации велика, т.к. они обладают «иллокутивный силой» (т.е. выражают намерения говорящего) и «перлокутивным эффектом» (т.е. воздействуют на слушающего) [12, с.158-159]. Следовательно, глагольные формы в обращении актуализируют наиболее

важный компонент информации и выражают волеизъявление: основания для выполнения воли творящего заговор есть.

В структуре текста заговора – в заговорных концовках – в анализируемом материале присутствуют немотивированные, «непрозрачные» обороты типа: «Аминь»; «Слово мое крепко»; «Тем словам замок - море, ключ – зубы»; «Тем моим словам ключ и замок; ключ в воду, а замок в гору»; «Щука в море, язык во рту, замок в небе, а ключ в море»; «Замок замкнулся и ключ – в воду»; «Мой заговор долгов, мои слова крепки» и т.п. В восточнославянской заговорной традиции такие концовки называют *заключкой, закрепкой, ключом, замком*. Замок, ключ получают в метафорическом языке заговора символическое значение орудия замыкания болезни, носителя опасности, защиты. Замыкание замка служит символом закрепления желаемого результата, выраженного в волеизъявлении.

Концовки (заключки) заговоров имеют различное происхождение. Наиболее часто в исследуемых текстах отмечен древнееврейский библеизм «Аминь!» (amen – «истинно», «так оно и есть», «да будет так!»). Это заключительное слово употреблялось очень часто в богослужебных текстах, молитвах для подтверждения удостоверения истинности сказанного (написанного). Формула перешла в сферу народного быта и фольклора и часто употребляется в заговорах и заклинаниях.

В.И.Даль отмечает, что «народ обратил аминь в существительное, разумея либо молитву, либо конец дела» и приводит многочисленные примеры употребления церковно-книжной формулы в народной речи: Аминь, аминь, рассыпья, говор. нечистой силе. Аминь человека спасает. Аминем великие дела вершат и под. [6, с.14-15].

От аминь в русских народных говорах образован глагол зааминить, который имеет значения:

1. «завершить, закончить, порешить или укрепить»;

2. «уничтожить, заговорить болезнь», «защитить от нечистой силы», арх. и сиб. «зааминить чирьи и вереды» или «зааминить зрачки» (при болезни глаз), «зааминить чёрта» [13].

В исследуемом материале широко представлены лечебные заговоры: от сглаза, порчи, испуга, ангины, глазных болезней, зубной боли, головной боли, боли в спине и суставах, кровотечения, грудницы, ушиба, расширения вен, рожи, грыжи, чирья, волоса, геморроя, укуса (собаки, змеи) и универсальные заговоры от всех болезней.

Болезнь в народной культуре воспринимается как результат воздействия на человека нечистой силы, ведьм, колдунов, людей с дурным глазом. Болезнь – «ворожье наговорье». В лечебных заговорах содержатся общие наименования болезни: *болести, недуги*. Есть и конкретные наименования: а) по способам насылания болезни: *сглаз, порча, уроки, призор, очес*; б) по симптомам болезни: *родимец, родилищный, глоть, притка, хитка, трясовица* и др. Имеются и прямые общеупотребительные наименования: *ангина, геморрой, кашель, зубная боль, головная боль* и т.п.

Для избавления от болезни в заговорах используются мотивы:

а) отгона (выбивание) болезни: «Как из булату, из синего укладу каменею огонь *выбивает*, так бы и из рабы Божией (имя) все недуги и порчи *выбивало...*»;

б) снятия болезни: «Месяц ты месяц, серебряные рожки, золотые твои ножки. *Сними*, ты, месяц, *сними* мою зубную боль, *унеси* боль под облака»;

в) задабривания, оскорбления (брань, проклятия, угрозы): «*Выйди*, притка, *выйди*, хитка, из костей, из мощей, из станowych жил...»; «Дикое, лужное, а мне совсем не нужное, *закружись, завертись*, в тёмный вихрь *завертись...* *Облетай* зверей, *обминай* зверей. В тёмный вихрь *превратись* и в омутах *утопись*»; «*Гори* же ты, рожа. *Перестань* ты, рожа, по костям ходить, сердца не сушить, колючие, болочие *уничтожить*. Пришла *незванная*, иди *непровожданная*» и т.д.

Так, заговоры от сглаза, или призора, в исследуемых лечебных текстах более многочисленны, чем от других болезней. Сглаз считался самой распространенной причиной порчи. По народным поверьям считалось, что человек, у которого «дурной глаз», способен «сглазить», просто посмотрев на кого-либо. Для защиты от сглаза нашептывали на воду, которой умывались или пили; отчитывали больного три зори, а в более сложных случаях и 12 зорь; наговаривали непитую (т.е. никем не отведавшую) воду, бросали в воду чеснок, соль; вбивали в неё «яйцо так, чтобы не разлить, желток» и т.д. См. текст заговора от порчи: Налить в стакан воды и приговаривать три раза:

«Стану я, раб Божий (имя), благословясь, пойду, перекрестясь, из избы дверьми, из ворот воротами в чистое поле, в зеленую дубраву. В зеленой дубраве стоит белая береза во двенадцати корнях. Как на мне не удержится ни утренняя роса, ни вечерняя роса, так не держитесь ни *уроки*, ни *призоры*, ни *скорби* – *болезни*, ни *страхи* – *переполохи*, ни *ветряные переломы*. От родимца родилицного, от русых, от белокурых, от черных, от черемных, от двоезубых, от троезубых, от двоеженных, от троеженных. Будьте мои слова лепки и крепки, крепче и лепче клею осетрового. Аминь».

Выпить глоток воды или дать выпить тому, с кого снимаете порчу, помочить лоб и волосы, три раза побрызгать на грудь и спину. Молча подождать, пока высохнет вода».

В заговоре порча – болезнь, напускаемая «лихими людьми», нечистыми духами и т.п. называется «уроками, призорами, скорбями – болезнями, страхами – переполохами, ветряными переломами».

Образ березы, часто используемый в заговорном тексте от порчи и сглаза («*В зеленой дубраве стоит белая береза во двенадцати корнях*») имеет символическое значение. В народной медицине, заговорах береза использовалась для лечения от многих болезней. Действенным приёмом магии считалось хождение («...*пойду... в чистое поле, в зелёную дубраву*») к растущей березе для «передачи» ей болезни. Эти хождения сопровождались заговорами. В анализируемом тексте содержится мотив увещевания (уговора) по

отношению к порче, выраженный в сравнении: *«Как на мне не удержится ни утренняя заря, ни вечерняя заря, так не держитесь ни уроки, ни призоры...»* (Ср. также битьё заболевшего берёзовым веником; использование березового сока при язвах, от чахотки и пр.). В тексте заговора перечисляются «лихие», «нечистые» люди, которые могли напустить порчу, сглаз: *«двоезубые, троезубые, двоеженные, троеженные»*. Заключительная часть содержит «заключку»: слова заговора должны удерживать силу (*будьте слова лепки и крепки*), должны быть «запечатаны замком» (*клеем осетровым*), иначе заговор лишится силы.

Наиболее типичными способами, направленными на избавление человека от болезни, являются заговоры, в которых болезнь смывается водой: *«Матушка-водица, Господня помощница, смой с рабы Божьей (имя) горе, смой с рабы Божьей (имя) хвори, смой с рабы Божьей (имя) ворожье наговорье»* (от сглаза); заговоры, в которых болезнь «передается» другому лицу, животному, растению и т.д. (напр., в заговорах от зубной боли месяц должен снять зубную боль и унести под облака; заря-зарница должна покрыть (защитить) зубы *«своею фатою от проклятого Лимаря»: За твоим покровом уцелеют мои зубы*); заговоры, в которых болезнь уничтожается животворящим крестом (*«Вот тебе животворящий крест. Вот тебе животворящий крест. Вот тебе животворящий крест»*), божьей росой (*«Божья роса, залепи собаке глаза»*), именем Бога, Иисуса Христа, Божьей Матери и т.д.

Апотропеические средства, используемые при лечении заговором, самые разнообразные. Это чеснок (от сглаза), вода, соль (от сглаза, от всех болезней), яйцо (от порчи), слюна, плевок (от ангины, зубной, головной боли), табак (листовая махорка) (от зубной боли), масло (от грудницы), красная тряпка (от рожи), нож (от ушиба), сучок, ключ с дырочкой (от чирья), крестообразное дутьё на рану (от геморроя) и т.д.

Рассмотрим магическое действие некоторых из них.

«Вода в народных представлениях одна их первых стихий мироздания, источник жизни, средство магического очищения» [14, с.400]. Почитание воды

известно у славян задолго до принятия христианства. «Поклонение священным источникам и колодцам связывалось с культом Макоши, а позднее – с культом Праскевы Пятницы – покровительницы водной стихии...». Церковное освящение воды имело целью её очищения. По народному убеждению, при погружении в воду святого и животворящего креста... изгоняется вся дьявольская сила, и поэтому вода становится безукоризненно чистой и святой» [15, с.174].

В христианской религии *вода* часто подвергается освящению (церковный обряд водосвятия - Крещение), освященная в этот день вода считается наиболее здоровой, целебной, способной защитить от болезней и нечистой силы. Её хранили и использовали в лечебных целях. Наряду с водой, освященной по церковному обряду, чудодейственной и магической силой обладала и наговоренная вода. Её наливали в посуду и наговаривали, а затем использовали: пили, окропляли, смывали и т.д. Дополнительную магическую силу придавали воде опущенные в нее растения, монеты, серебряные изделия, крест, зерно, угли из печи и т.п.

В исследуемых заговорах чудодейственные свойства воды усиливаются, если над ней произносится заговор от сглаза, порчи, зубной боли, боли в спине и суставах, пьянства, от всех болезней и т.п. Кроме действий с водой, в самих текстах заговоров обращение к воде очень почтительное, часто она наделяется эпитетами, положительными характеристиками: «*Матушка-водица, Господня помощница...*», «*Святая вода...*», «*...быстрая вода...*».

Чудодейственная сила воды в заговорах отчасти связана и с ее природными свойствами – свежестью, прозрачностью. Вода должна быть чистой, «непитой», свежей, только в этом случае она способна «очистить от всего злого». Напротив, целительные свойства воды пропадут, если она мутная и грязная. Вода должна быть из горного студенца. Студенец – «колодец». (Ср.: ст.сл. стоудьньць) По народным поверьям, святая, чистая, непитая вода обладала способностью смывать всё «нечистое» и очищать от грехов.

Соль использовалась и как оберег (она охраняла ритуальный хлеб и дом в целом от воздействия злых, враждебных сил), и как средство лечения и магии в народной медицине и заговорах: от порчи, сглаза, ото всех болезней.

В качестве традиционного оберега от нечистой силы использовался нож. Им часто пользовались знахари: для защиты некрещеного младенца, женщины, жениха и невесты; молока у коровы; скота и т.п. Например, в исследуемых заговорных текстах нож используется в заговоре от ушиба: *взять нож, поскрести ножом больное место три раза, приговаривая: «Дикое, лужное, а мне совсем не нужное, закрутись, завертись, в тёмный вихрь превратись. Облети зверей, обминай зверей. В тёмный вихрь превратись и в омутах утопись. Аминь».* Переступание через нож, обведение ножом кого-либо (чего-либо), процеживание молока через нож, «засекание» ножом, соскребание и т.п. вместе со словами заговора – обычные действия знахаря.

Большой интерес представляет в заговорных текстах обозначение времени и пространства. Болезни, недуги, сглаз, порча и т.п. прогоняются *«во тёмные леса, на сухи деревья, где народ не ходит, где скот не бродит, где птица не летает, где зверьё не рыщет»;* *«боль (уносится) под облака»*, *«в бездны преисподни»*, *«за горы, за доли, за лес густой»;* *«в омутах утопись»;* *«в чистое поле, в синее море»*, *«в тёмные леса, где люди не ходят, кони не бродят и птицы не летают»*, *«за горы высоки, за леса дремучи, за моря широки, за реки глубоки, за грязи топучи к щуке-белуге в зубы»*, *«на запад солнца, на зелёную дубраву, на осиновый лист»* и т.д.

Согласно народным поверьям, нечистая сила, злые духи враждебны человеку, насылают на него различные болезни, неприятности, наносят вред урожаю, скоту и т.д. Изначально они обозначали некую сверхъестественную силу, лесную, водяную, тёмную и т.п. Местом ее обитания являются «нечистые» места: пустоши, дебри, чащобы, трясины, болота; пещеры, ямы, болота; все виды водоёмов (особенно омуты); нечистые деревья (сухая верба, бузина, осина) и т.п. Словом, глухие места, в которых человеку становится жутко. Ср., например, народные названия нечистой силы, в основе номинации

которых лежит главный признак – место обитания: леший, водяной, омутник, болотник, полевик, луговик, веретник и др.

Осина в народной традиции – «нечистое» дерево, проклятое Богом. В апокрифах рассказывается, что осина дрожанием своих листьев выдала спрятавшуюся под ней от преследователей Богородицу. Как «чёртово» дерево, осина широко использовалась в магических целях и заговорах от различных болезней: от трясовицы (лихорадки), зубной боли, бессонницы, холеры и др.

Перечисление «нечистых» мест в заговоре создает атмосферу мистической иррациональности. Коммуникативный смысл таких перечислений своего рода демонстрация компетенции знахаря: он знает своё дело, знает, куда нужно «отогнать» нечистую силу, чтобы отступила болезнь, сглаз, порча и т.д. С другой стороны, в заговоре нужно назвать все места обитания нечистой силы, потому что неназванное место может оказаться вне поля действия заговора.

Нереалистическую, тревожную и зыбкую, как предрассветный туман, таинственную атмосферу заговора создают наименования времени. В большинстве исследуемых текстов время называется так: утренняя заря, заря вечерняя, полуночица, денница; солнце на закате, месяц на закате, солнце на заходе, ночью, на вечерне; луна и т.д. Как отмечает Н.Б.Мечковская, «всё это «точечное», а не длящееся время» [5, с.98].

По народным поверьям считалось, что заговор подействует, если его произносить в определенное время и в определенном месте. Поэтому знахари произносили заговорный текст в определенное время суток. См. заговор от золотухи: (Читать на молодой месяц). *«Как батюшка млад месяц на месте не стоит, так и раба Божья (имя) выходила бы из золотухи, выступала бы на позолотушье из тридевяти мозгов, из буйной головы, из чёрных бровей, из ясных очей, из косиц, из ресниц, из ягодниц, из мягких губ, из белых зуб, чтобы не было ломотицы, мокротицы на веки и отныне до веку. Аминь».*

Как молодой месяц прибывает, так и прибывает здоровье у больного – такова главная стратегия этого заговора. В других случаях, напротив, заговор

нужно произносить в ущербное время луны: считалось, что как убывает луна, так и уходит от человека болезнь.

Таким образом, и сам творящий заговоры, и его слова, и ритуальные действия – часть непостижимого мира, тайна. Атмосфера чародейства, колдовства усиливается непонятными словами, устаревшими грамматическими формами, обращением к высшим потусторонним силам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афанасьев А.Н. Народ-художник: Миф. Фольклор. Литература / Сост., подгот. текста, вступит. ст. и примеч. А.Л.Налетина. М.: Сов. Россия, 1986.
2. Топоров В.Н. Санскрит и его уроки // Древняя Индия: Язык. Культура. Текст. М.: Наука, 1985.
3. Архив кафедры русской филологии АмГУ.
4. Буслаев Ф.И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т.1. СПб., 1861.
5. Мечковская Н.Б. Язык и религия: Пособие для студентов гуманитарных вузов. М.: Агентство «ФАИР», 1998.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т.1. М.: Русский язык, 1978.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т.4. М.: Русский язык, 1978.
8. Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5 тт. / Российская академия наук, Институт славяноведения и балканистики. Т.2: Д-К / под ред. Н.И.Толстого. М.: Международные отношения, 1999.
9. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1977.
10. Топоров В.Н. О ведийской загадке типа brahmodya //Пареомилогические исследования. Сб. ст. М.: Наука, 1984, с.14-16.
11. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т.1. СПб.; ИОРЯС, 1893.
12. Федосюк М.Ю. Речевой замысел говорящего и его компоненты // Традиционное и новое в русской грамматике. Сборник статей памяти Веры Арсентьевны Белошапковой /Сост. Т.В.Белошапкина, Т.В.Шмелёва. М.: Индрик, 2001.
13. Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5 тт. / Российская академия наук, Институт славяноведения и балканистики. Т.1: А-Г / под ред. Н.И.Толстого. М.: Международные отношения, 1999.
14. Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т.3. СПб.; ИОРЯС, 1893.
15. Краткая энциклопедия славянской мифологии: около 1000 статей /Н.С. Шапарова. М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Апрель»: ООО «Русские словари», 2001.